

23 января 1970 года, Ленинград (-4 °С) – Тюмень

После утренних сборов в полпервого поехали к Тае¹. 47-го автобуса как-то еще дождались, а вот на Невском 2-й уже не пришел. А тот, что в итоге приехал, был так набит, что сесть на него я уже не смогла. Я поймала такси и за 85 копеек добралась до общежития (Института народов Севера, на проспекте Стачек). В комнате (Таи) уже собрались все ханты, шутили, что Тугияны – это вторая Москва, передавали приветы и просили нас привезти рыбу и оленину. Я сидела с ними уже час, когда они заметили, что пальто у меня слишком короткое и никуда не годится (одолжила его у М. И.), нужно другое. Без пятнадцати три, немного подождав такси, мы спешно в него сели и поехали к нам на улицу Детскую. Я забежала и раздобыла ключ, но оказалось, что и Оля (соседка по комнате, которая нелегально снимала жилье, а я нелегально жила на ее месте в комнате) была дома. Я второпях накинула пальто, подстежку, ушанку и бегом вниз. Таксист все это время ждал и сыпал ругательствами.

От нас мы поехали к Центральному агентству воздушных сообщений, где довольно долго прождали автобуса, приехал он около 4:45. Дорога до аэропорта занимает почти полчаса. За это время нам добродушно рассказали, где мы проезжаем, что там было в войну и т. д. Когда мы добрались до аэропорта, там было уже общежития. Все ехали домой. Мы увидели Валю Садомину (манси), накануне вместе покупали билеты. Она тоже до Березово, оттуда в Полноват, а потом еще дальше. Было очень весело, играли на гитаре, пели. Приехал автобус, мы в него набились, и он подвез нас к самолету (Ил-18). Нужны были только посадочные талоны, которые нам выдали в агентстве (накануне).

Взлетели мы без проблем, бортпроводники раздавали леденцы. Все ребята из угорской компании, которые сидели рядом, закутались в пальто, повернулись на бок и сказали, что нужно поспать. Я тоже последовала их примеру и задремала. Примерно на полпути был ужин: мясо (похожее на оленину) с рисом, булочка с сыром, два пирожных, чай с лимоном и хлеб. Тая почти ничего не ела, Валя тоже только немного. Булочку и я отложила на следующий день. Атмосфера на борту была очень доброжелательная. Вторую половину полета немного потряхивало, а потом двадцать минут мы кружили над Тюменью. Перед этим объявили, что в Тюмени -15 °С, мы только посмеялись.

Приземлившись, мы сели во что-то наподобие микроавтобуса и доехали до небольшого одноэтажного здания аэровокзала. Здесь мы встретились с Вале́й (Юминой)², двоюродной (по маме) сестрой Таи. Она учится в Тюменском мединституте на третьем курсе. Красивая девушка, блондинка, совсем не похожа на Таю. Она с таксистом ждала нас уже час. Мы посмотрели время: всего мы летели три с половиной часа: с 7 до 10:30, т. е. до 12:30 по местному времени. У Вали сессия, но, несмотря на это, она приехала и в обед: не знала, когда прилетит самолет (в полпервого дня или ночи).

Дорога в город даже на такси заняла больше получаса. Сначала мы ехали среди заснеженных полей, потом мимо разбросанных деревянных домов, а затем то тут, то там стали попадаться новые стройки. Центр города – это огромная равнина, называемая площадью. Там расположен Дом Советов, построенный в стиле неоклассицизма. Главная же (более старая) улица вполне себе городская. В Тюмени пять вузов. Мы добрались до общежития. Тая заплатила за такси 6 рублей, позже я отдала ей половину.

¹ Себу́рова Таисия Степа́новна была одной из первых хантыйских подруг Евы Шмидт. Они познакомились в Ленинграде в 1969 г. Именно ее в январе 1970 г. Ева Шмидт могла сопровождать в поездке на зимние каникулы в Тугияны, родное село Таисии Степановны.

² Юмина Валентина Ильинична.

Здание общежития довольно новое и совсем неплохое; кухня и комнаты вполне себе приличные. Нас проводили в комнату (Вали), где все уже спали. Мы бесшумно сняли пальто, сапоги и пошли на кухню. Нас угостили колбасой, хлебом, молоком. В коридоре мы еще немного поговорили, подошло несколько человек. Как выяснилось, такси удалось вызвать только сославшись на то, что будет иностранка. Тая еще осталась разговаривать, а я пошла спать. Было очень тепло.

24 января, Тюмень – Березово

Вскочили в 7 утра и бегом туда, откуда автобус идет в аэропорт. С вечера на улице стало холоднее. Груза на руках было много. Мы еле успели на автобус. Валя очень заботливая, помогала нам всю дорогу.

В аэропорту мы снова увиделись с В. Садоминой и другими: кто-то из них провел ночь там же, или, как мы, заночевал в городе. Посадочных талонов на вылетающий в это время самолет не досталось даже им, были только на следующий. В ожидании мы то стояли, то сидели, я выпила томатного сока, купила булочку и т. д. Люди там были разные, но в основном русские сибиряки. В какой-то момент нужно было забежать наверх к начальнику: Тая пыталась достать посадочные, сказав, что я иностранка. Люди там оказались приветливые, расспросили, откуда я, сколько пробуду, чем занимаюсь и т. д. Нам сразу вне очереди выдали талоны, раньше, чем другим. После некоторого ожидания около половины второго самолет вылетел. К самолету мы шли пешком и чуть не окоченели. Похолодало до -22°C , но казалось, что температура еще ниже; было трудно дышать. Особенно из-за спешки с вещами. И Тая, и я обморозили лицо, поэтому стали растирать кожу снегом.

Мы сели в АН-12³, симпатичный небольшой самолет. Здесь я попробовала самые вкусные за всю мою жизнь конфеты. Через сорок пять минут долетели до Березово. Ярко светило солнце, и с высоты хорошо виднелась тайга: в тех местах она не такая густая и бескрайняя. Вокруг Тюмени раскинулись озера, а потом пошли реки и болота. Если болота в безлесье, то их ужасно много и не видать им конца, такие они большие.

Приземлились мы в Березово, перетащили багаж. Еще в самолете выяснилось, что на улице нас ожидает -40°C . Наученная горьким опытом, на лицо я натянула шарф. Было не так уж и холодно. Нам сразу объявили, что ближайший самолет будет во вторник, мы немного расстроились. В итоге набралось человек десять (все в Полноват), и для нас организовали самолет. Билеты купила Тая: стоили они рубль семьдесят.

Мы выбежали на мороз и забросили вещи в самолет. Здесь на аэродроме мы впервые повстречались с той приятной супружеской парой, в которой мужчина был (поволжским?) немцем, а девушка хантыйкой из Тугиян. С Таей она иногда заговаривала по-хантыйски. Они кажутся невероятно счастливыми, очень любят друг друга (давно не виделись). Словом, тот мужчина помог занести чемодан в самолет, на борт нас село десять человек. Самолет был рассчитан на двенадцать мест, пассажирский салон от кабины пилота не отделяло почти ничего. Сиденья были железные и располагались по кругу вдоль борта. Мы пристегнулись, самолет тронулся и поехал, кряхтя и надрываясь. Все это время второй пилот что-то объяснял другому, показывая наверх. Самолет оставался на земле около четверти часа, мы продрогли и т. д. Неожиданно, сделав ловкий поворот, самолет вернулся на место. Объявили, что мы уже приехали. Пассажиры немного поругались, но ситуацию все же восприняли с юмором.

³ В рукописи, очевидно, ошибочно фигурирует ЕН-12.

Напротив аэропорта есть столовая, мы направились туда с супружеской парой. Еда была вкусная. Я взяла котлеты, хлеб и чай. Остальные то же самое и еще суп. Конечно, столовая располагалась в обычном деревянном доме. Гардеробом служила комната с вешалками, где все оставляли верхнюю одежду. При выходе Тая показала вывеску (табличку), лежащую в «прихожей»: «Столовая – Лэты-яньсты хот⁴». Она мне ужасно понравилась.

В аэропорту я видела много людей, похожих на хантов, но все они, разумеется, говорили по-русски. Более того, там был один манси, в традиционном костюме: на нем была длинная малица из оленьей шкуры, поверх нее такого же покроя суконная рубаха, на голове капюшон из какого-то коричневатого меха, только на ногах вместо шкуры оленя были валенки. Говорил он по-мансийски. Вид у него был диковатый, лицо заросшее. Судя по походке, он мог допивать уже вторую бутылку водки. Мужчины либо в валенках, либо в огромной, с высокими голенищами обуви из овчины мехом внутрь. На женщинах короткие сапожки из оленьей шкуры, должно быть, довольно модные. Вне работы одеваются нарядно, в разные меха и т. д. В повседневной жизни носят зимнее пальто и платок. Встречается и ненецкая обувь⁵ с очень высокими голенищами.

Спустя некоторое время мы вместе с супружеской парой выдвинулись из аэропорта к месту ночлега. Сначала мы, разумеется, сдали крупный багаж, у меня осталась лишь небольшая сумка. Было темно. Мы отправились в путь, миновали несколько деревянных домов и стройку, затем пересекли довольно крутой овраг (русло речки?) и оказались на «окраине города». Сплошные деревянные дома. Из-за снега не было видно названий улиц и номеров домов. Шли минут десять, затем постучались в один из домов, но те, кого мы искали, жили не там. Ну да ладно. Мы немножко погрелись в передней в компании курочек, рассаженных по нескольким клеткам, и пошли дальше.

В конце концов нам стало интересно, где же мы. Мы зашли в один из домов, чтобы спросить, какой это номер. На наше счастье это было то самое место, которое мы искали. Подруги Таи снимали там жилье. Дом деревянный, но большой, с забором и деревьями. Планировка примерно следующая⁶.

Вход в маленькие комнаты занавешен шторками, перегородки не доходят до потолка. В каждой из комнат одна кровать, один стол и два стула. Понятно, что девушки спят на кровати вдвоем. Подруги Таи (Клава Лельхова и Лида?) приняли нас очень радушно. Мы разделись и вошли в другую комнатку, где нас угостили чаем, пирожками, хлебом и колбасой. Оказалось, что сегодня будут танцы и одна из девушек собирается туда. Тая тоже пошла с ней. У другой подруги был билет в кино.

Мы еще были вместе, когда я услышала, как во внутренней комнате женский голос говорит по-мансийски, а мужской отвечает ей по-русски. Затем вошла женщина и вежливо поинтересовалась по-хантыйски, куда мы и откуда. В это время появилась еще одна девушка, и все стали говорить по-хантыйски. Я мало что понимала. Конечно, редко когда по-хантыйски звучало более четырех-пяти предложений: переходили на русский, а потом обратно. Многие русские глаголы⁷ спрягали по-хантыйски. Одна из девушек зашла во внутреннюю комнату, а затем появилась и сказала, что там тоже

⁴ 'Дом, где едят-пьют' (на хантыйском языке), т. е. столовая. В машинописном тексте написано от руки.

⁵ Часть традиционного костюма: зимняя обувь из оленьей шкуры мехом внутрь, с голенищами до середины бедра.

⁶ Следующие два абзаца в рукописи напечатаны с отступом. Предположительно, место оставлено для фотографии, но (по крайней мере, в имеющемся экземпляре) изображение отсутствует.

⁷ В рукописи при передаче русских слов набраны лишь те гласные, которые существуют в раскладке венгерской печатной машинки, из-за чего изначальную форму русских слов установить невозможно. По этой причине данный фрагмент рукописи здесь опущен.

хотят на меня посмотреть. Я немного насторожилась, так как оттуда доносились звуки гармонии, и я боялась, что там выпивали. Но нет, там сидел молодой парень и мужчина постарше (как выяснилось, намного моложе, чем можно дать на вид), которые разговаривали с сухонькой старушкой. В комнате также находились, должно быть, годовалая малютка и три девочки постарше.

Я зашла, и мы начали беседовать о Венгрии. Алексей (тот, что старше) тут же выдал все, что ему известно (по-видимому, от Шесталова⁸) начиная с монаха Юлиана и заканчивая Кадаром. Он знал на удивление много и даже был в курсе 56-го года. Тот, что помоложе, также был очень толковым. Он рассказал, что на добыче газа заработал 300 рублей и все деньги потратил на то, чтобы объехать южные районы Советского Союза. Он говорил о национализме в тех местах, например, о том, что по ташкентскому радио новости на русском языке идут всего пять минут, и о том, как в поезде чуть не убили подвыпившего русского, и т. д. Мы обсудили внутреннюю политику: Хрущева поносили нещадно, а нынешнее руководство их устраивает. Мы стали сравнивать тамошние цены с нашими, и оказалось, что, судя по зарплатам, уровень жизни у них мог быть значительно выше. Если кто-то трудится, то зарабатывает, сколько хочет.

Девушки уже давно ушли, а мы перебрались в самую первую комнату (рядом с кухней), где меня угостили чаем, сырой рыбой и хлебом. Тогда-то Алексей завел речь о тюрьме: как он туда попал и каково ему там пришлось. (Правила общественного порядка по всей Сибири очень строгие, так что для подобного опыта больших усилий прилагать не нужно). Затем мы долго спорили о Юване Шесталове, который приходится Марии родней (М. старая мансийка, находившаяся в комнате). Ее сестра была мачехой Шесталова, а Юрий (молодой парень), охотник, учился вместе с Шесталовым и жил с ним в одном общежитии. Они стали резко критиковать его за то, какие вещи он пишет о своем народе, при том, что даже не знает его и живет далеко. Зачем эти его лирические стихи о природе, зачем трогать Потёпку⁹, шамана, словом, все настоящее мансийское? Его все время уговаривают найти какого-нибудь мансийского героя, погибшего на войне¹⁰, и написать о его жизни. Если бы нашлось подтверждение, что у них тоже был подобный герой, на них перестали бы смотреть свысока. Они рассказали, что в деревнях на войну забирали всех мужчин. В колхозе Марии только один вернулся живым, и тот вскоре умер. Тем временем наступила ночь, к тому же вернулись девушки, так что мы пожелали друг другу спокойной ночи.

Перед этим я долго смотрела, как Мария шьет обувь из оленьих шкурок. Она мастерила ее и на продажу. В мешке лежали выкроенные куски оленьей шкуры, их она сшивала жилами. Потом доставала зимние и осенние беличьи шкурки, вырезала их и в качестве оторочки нашивала на верхний край голенища. Мы распрощались. Они пообещали, что утром дадут свой адрес. Я залезла в кровать к Тае где-то в два. Две другие девушки спали на полу. Это была не самая теплая ночь в моей жизни.

25 января, Березово

Утром мы ужасно проспали. Тая встала в 9. Без всяких сборов мы выскочили из дома – и в аэропорт. Температура опустилась еще ниже: до -46 °С. Мы шли по другой дороге. Расстояние было такое же, как накануне, и русло речки обойти не получилось. Наверняка дети катаются там на лыжах, очень скользко.

Мы добрались (до аэропорта), там сообщили, что пока вылета не ожидается. На это мы (те, кому в Полноват) гурьбой зашли к начальнику, чтобы уговорить его, но нам

⁸ Мансийский писатель Юван Шесталов.

⁹ Имя шамана в произведениях Шесталова. В рукописи из всего имени обозначено лишь несколько букв.

¹⁰ Имеется ввиду Вторая мировая война.

заявили: [...] ¹¹. Мы всё сидели и разговаривали. В полдвенадцатого перебежали в столовую, где работал только буфет. Мы встали в очередь, но пока она до нас дошла, из кухни уже стали приносить горячий кофе и пирожки с мясом. Мы пообедали ими и даже взяли с собой. Сидели мы за столом с пилотами.

Потом вернулись назад, немного поспали. Пришла Клава, принесла карты. Девушки сели играть. Я писала письмо. Тая играла в карты и с другой компанией. Наконец-то я смогла тайком закурить и выкурила полсигареты.

(Да, накануне я забыла написать, что пока мы там (в аэропорту) ждали, к Тае подошел молодой человек и они о чем-то заговорили. Затем они подошли ко мне, молодой человек представился как журналист «Тюменского комсомольца» (молодежная газета). Он поинтересовался, какова цель моей поездки и в итоге сказал, что они хотели бы связаться с «Magyar Ifjúság» (журнал «Венгерская молодежь»). Я пообещала попробовать помочь. В свою очередь, я пожаловалась, что мы о них ничего не знаем. Он ответил, что также попытается что-то сделать. Потом мы стали говорить о политике, кому нужна война и т. д. Он дал свой адрес в Ханты-Мансийске, наказал сразу же позвонить (после приезда) и заверил, что мне во всем помогут. Очень приятный молодой человек. Мы видели его и сегодня утром).

Ходил там и мужчина в мансийском костюме. Мы всё сидели и ждали, пока в полшестого не объявили, что самолета уже вообще не будет.

Мы направились домой и, вернувшись, сразу сели чаевничать. Девушки спросили меня по-хантыйски, не хочу ли я пойти в кино. Конечно, я хотела. До кино Тая с одной из подруг сходила на почту и отнесла и мое письмо. На обратном пути они купили билеты, мы собрались и пошли. Кинотеатр был достаточно близко, к нему тянулась длинная очередь. Женщины были одеты во всевозможные удивительные меха. Было много русских, но встречались и манси с хантами.

Сначала показали короткометражку о гениальном инженерере, который учился в Америке, а потом строил металлургические заводы в Сибири и получил Ленинскую премию. (Не знаю, как его звали, потому что начало фильма мы не видели). Затем была картина Симонова «Живые и мертвые», со сталинградской битвой и т. д. Мне очень даже понравилось. Кинотеатр довольно большой, почти на 300 мест, и он был заполнен. Успех фильма был безоговорочным. Обычно здесь смотрят всё, развлечения получше нет.

Мы пошли домой, снова сели есть, на этот раз икру. Через какое-то время я присоединилась к компании манси. Общась со старой мансийкой иногда я не улавливала, говорит ли она по-мансийски или по-русски; все звонкие смычные согласные она произносила оглушенно, гласные растягивала (ударение ставила на первый слог, и интонация у нее была абсолютно мансийская). Обувь из оленьей шкуры была уже почти готова. Мы разговаривали о том, что и в нынешнее время они спят не запирая дверей, и любой входящий может чувствовать себя как дома. Уже неоднократно их пытались обокрасть, но им везло. С Алексеем говорили о войне, о фильме, о тюрьме. Он прочитал все начиная с Толстого и заканчивая Солженицыным. Очень интеллигентный, образован по-европейски. Еще накануне я пообещала им, что отправлю мужские кожаные перчатки (им нужно по праздничным поводам), а Алексей обещал, что пришлет самодельную ручку и будет писать письма, потому что это ему очень нравится. Это были чрезвычайно приятные люди, расспрашивали обо всем. Мария всё удивлялась тому, что я приехала к ним из такого далека. Я забралась в кровать к Тае около двух.

¹¹ Фрагмент, который должен быть изложен на русском языке, отсутствует.

26 января, Березово – Полноват

Встали в 7, к 8:30 были в аэропорту. На этот раз в отличие от предыдущего объявили, что самолетов нет и надо дожидаться, когда прилетит какой-то из бортов. Уже наученные мы сели ждать, все друг друга знали. Составили список, сколько нас человек: оказалось десять. Часов в 10 мы хотели пойти в столовую что-нибудь перекусить, но она была уже закрыта. Я вздремнула, потом пришла Клава. Она работает буфетчицей и принесла пирожки с повидлом. Сели играть в карты, я тоже присоединилась. Наконец наступил полдень, мы перешли в столовую выпить чего-то горячего. Я как раз заняла место в очереди, и в этот момент объявили, что отправляется рейс в Полноват.

Бегом обратно, забрали багаж, второпях сели в Ан-2. Было дико холодно: только я хотела пристегнуться и дотронулась до пряжки ремня, как руки у меня тут же побелели. Даже самые закаленные сибиряки почти окоченели. Взлетели нормально. Пейзаж открывался красивый, леса попадались редко, ближе к Полновату виднелась лишь широкая равнина. К тому времени мы совсем заledenели, особенно ноги.

Приземлились на поле, которое, как сказали, является аэродромом. К нам навстречу уже бежали девушки, их было четверо, подруги Таи. Они обнялись, расцеловались, и мы направились в деревню. На улице было, наверное, -48 °С. Молодой немец нес мой чемодан и совсем промерз. Мы поднялись на пригорок, дошли до конца улицы и добрались до места.

Зашли в небольшую деревянную избу, где Таю радостно встретили женщина в летах и несколько школьниц. У Таи для каждого был припасен какой-то подарок, конфеты, яблоки. Она проверила, кто насколько вырос, поправила им одежду и т. д. Зашли еще трое-четверо мальчиков, поздоровались. (Дети были из Тугиян и учились в Полновате). Затем девочки ушли, осталась только одна лет двенадцати, говорила она по-русски. Не хочет по-хантыйски, хотя умеет, ведь здесь уже все говорят по-хантыйски. Наконец-то я могла открыть свой чемодан: уже как день у меня закончились сигареты. Я подарила пожилой хантыйке вышивку (моей бабушки) с оленями. Ее я, кстати, понимала с трудом: она использовала звук *л*, перед *w* произносила *и*, и гласные были совсем другие (не как в среднеобском диалекте). Мы больше говорили по-русски. Насколько можно судить, местные сознательно относят себя к обским хантам, а не к казымским. Они обратили мое внимание на множество отличий между их речью и языком казымских хантов. Например, гласные непервых слогов здесь более закрытые (?). Иногда они употребляют *t*, а иногда *л*, неизвестно, по каким правилам.

Тем временем Тая ушла на почту позвонить маме¹² и попросить, чтобы завтра за нами прислали сани. Вернулась она быстро. Все в порядке, завтра выдвигаемся. Все очень переживали из-за поездки, боялись, что мы замерзнем: ехать четыре с половиной часа в -45...-50 °С не шутка.

Как только Тая пришла, сели за стол. Был суп с говядиной, салом, картошкой и лапшой; на поверхности приличный слой жира. К супу хлеб (между прочим, хлеб здесь более светлый, практически как дома). Хлеба едят много, в день уходит по две-три буханки. Было масло, *wońsimut* (брусника), чай с молоком. Теперь уже и Тая проголодалась. Перед этим я разговорилась с пожилой хантыйкой. Она тоже зашла в небольшую комнатку и, к моему большому удивлению, достала трубку и закурила вместе со мной. Она показала мне все семейные фото и рассказала, что мать (какая-то их родственница) девочки убила своего мужа. Мать забрали, а девочку она воспитала

¹² Себурова (Гришкина) Матрена Григорьевна (1919–1991).

как свою родную. Продолжили мы разговор и позже, убирая со стола. Девочка занялась коровой, а хозяйка принесла дров.

Уже смеркалось, когда мне сказали, что в соседнем садике есть магнитофонные записи хантыйских песен и мне с удовольствием их передадут. В интернате даже девочки готовы были петь. Я быстро достала свой магнитофон, положила его в сумку и бегом в садик. Располагался он совсем близко, во дворе красовались разнообразные раскрашенные снеговики, смотрелось оригинально. В самом садике очень бойкая женщина велела мне переодеться. В это время меня окружили дети лет четырех-пяти, русские и ханты, которые говорили по-хантыйски, но воспитатели все до одного были русские. Наверняка они ни слова не знают на других языках. Мы вошли в кабинет: украшено красиво, на стене детская фотография Ленина, на столе магнитофон размером с дом. Я тоже достала свой маленький магнитофон и сказала, что нужно подождать, пока он разогреется. Включила его, работал он очень медленно. В это время проиграли хантыйские записи: это были новые, «комсомольские» песни, всего три. Я тестировала микрофон, когда выяснилось, что магнитофон не просто медленный, а он вообще не записывает и не стирает. Какое-то время я еще пыталась что-то сделать, но дети уже разбежались по домам. Я сказала, что посмотрю, что не так с магнитофоном и вернусь на следующий день утром. Так мы и договорились. К слову, в селе существует еще четыре-пять таких детсадов – самый верный путь к потере языка. Независимо от этого, такого рода социальные учреждения в Сибири намного более развиты, чем у нас.

Мы вернулись домой, и я занялась магнитофоном, сняла нижнюю часть. Теперь он уже хорошо проигрывал, хотя немного тихо, но, если я что-то записывала, запись не стиралась. Присутствующим очень понравилось, как я считаю. В конце магнитофон совсем перестал работать, и мы сели ужинать. Хозяева недавно вернулись из магазина: был хлеб, чай, рыба, рыбные консервы, мясные консервы, варенье. (Зашли и Марина с мужем.) Мы с молодым немцем попеременно пытались открыть консервы моим карманным ножом, который в итоге благополучно сломался. Сырую рыбу ели только мы, угры.

После ужина я собиралась посмотреть магнитофон, но ни с того ни с сего послышался громкий хлопок, и света не стало. Мы ринулись к окну: в электрический столб врезался грузовик и повалил одну стойку. Света не было на нашей стороне улицы. Грузовик, будто бы справившись с задачей, встал в сторонку, а мы продолжили досадовать при уютном свете керосинки. Делать мне было особо нечего, и я стала играть с котом Васькой. Марина с мужем ушли к себе спать, мы тоже вскоре легли. Тая рядом со мной еще размышляла о том, что завтра я замерзну первой, но через какое-то время я сказала, что даже если так, пусть даст мне поспать.

27 января, Полноват – Тугияны

Встали в 10, я спала в одной постели с Таей, а пожилая хантыйка с девочкой. Позавтракали (чай, бутерброд с маслом, суп с мясом, варенье). Чудесно светило солнце, я вышла фотографировать. Сняла окружающие дома (с крыши хлева) и Таю с девочкой. На этот раз я заглянула в хлев: там стояла черно-белая корова и отгороженные от нее теленок с овцой. Сено лежит в верхней части хлева, оттуда его сбрасывают и заносят вниз. Хозяйка пожаловалась, что в прошлом году было большое половодье и сена накосили мало. Его хватило лишь до ноября, а с тех пор нужно покупать. Корову доят дважды в день. Мы зашли в избу и продолжили разговор.

Около полудня прибыл посланный за нами обоз: трое саней, запряженных

лошадьми. Вошла молодая хангыйка¹³ в полном дорожном обмундировании: в шубе *săx* (женская распашная верхняя одежда) и сапогах *jŭrnwej* (обувь из оленьей шкуры с высокими голенищами). Занесла несколько мешков с одеждой. Ее сразу усадили, стали угощать супом и т. д., с большим интересом внимали ее рассказам о жителях Тугиян. Чуть погодя зашел молодой мужчина, одетый в *gus*¹⁴. Выглядел он словно снимок из книги по этнографии. Тут же он за чем-то ушел в лавку.

Мы тоже потихоньку стали собираться. Сначала сходили в магазин смешанных товаров (ассортимент бедный), не нашли ничего стоящего. Конечно, было там и такое радио, что я глазам не поверила. После этого заглянули в книжный, и я уже ликовала, что закупились кучей хангыйской литературы. Однако в наличии не оказалось ни одной книги на хангыйском. Говорят, что вообще-то обычно они бывают, но со временем раскупаются. Там были довольно хорошие книги, учебники (красивые, в твердом перешлете), пособия по немецкому, современная литература, экономика, политика и т. д. Тая с приезжей женщиной купили детские книги и ручку. Потом мы зашли в колхозную управу, где той приезжей хангыйке за что-то отсчитали 350 с чем-то рублей. Деньги ей просто завернули в бумагу, и она положила их в карман.

Дома уже готовились к дороге. Мы сели за стол, съели по огромной порции супа и по куску хлеба с толстым слоем масла, выпили горячего чая и т. д. Затем последовал процесс одевания, который продлился почти час. Мы натянули на себя все, что только можно (колготки, шерстяные носки, на них целлофановые пакеты, спортивные штаны, поверх еще одни, чуть ли не четыре кофты, подстежку, сверху *săx*). В качестве обуви мне дали *jŭrnwej*¹⁵, которые оказались малы, я поменялась с Мариной, но и эта пара была не совсем впору. Муж Марины облачился в *gus*, а Таю закутали в *săx*. Затем мы надели ушанку, а поверх еще по четыре-пять платков. На Таю намотали и того больше. Я едва могла пошевелиться, и видеть в пятисантиметровую щель, оставленную для глаз, тоже мало что видела. Даже дышать было тяжело. В довершение всего для полной готовности я надела хангыйские кожаные рукавицы. Остальные также были готовы. Мы вышли на улицу. Мой чемодан положили в сани, а сумку в мешок с одеждой. Я кое-как уселась в одни из саней, устроилась спиной вперед, потому что напротив сидела Марина. Неожиданно лошадь дернула и выбежала на улицу.

Мы распрощались и отправились в путь. Иногда сани почти опрокидывались и ехали на одном боку. Дорога длилась четыре часа, было -45 °С или даже ниже. Мои сани были замыкающими. Возницы не было, лошади бежали сами, следуя за идущими впереди. Ноги у нас были накрыты шубой, мы не мерзли, только снизу немного поддувало. Деревня осталась позади, ехали через места, поросшие кустарником, а потом мимо прибрежного леса. Временами я проваливалась в сон. Примерно через час мы остановились, чтобы поправить одежду и сани, затем тронулись дальше. Уже темнело. Мы проезжали по безлесью, местами встречались пригорки и тогда нужно было хорошенько держаться. В следующий раз мы остановились передохнуть на опушке леса, вроде как на полпути (спустя два часа езды). Мы слезли, попрыгали, уложили на дно саней сено. Потом совсем стемнело, дорога казалась бесконечной. Руки немного мерзло. Иногда к нам подходил муж Марины и бежал за санями, мы дурачились. Примерно через полтора часа Марина сказала, что уже не так далеко (от деревни). И действительно, спустя полчаса я заметила, что стало светлее (вернуться и посмотреть, что было впереди, я не могла) и вскоре мы добрались до деревни.

Мы проехали мимо домов, где горел свет, по главной (и единственной) улице и наконец-то остановились. Выгрузили наши вещи. Марина с мужем двинулись дальше.

¹³ Костина (Гришкина) Вера Григорьевна (1936–1981).

¹⁴ Мужская зимняя одежда без разреза спереди, с капюшоном, верх и подкладка сшиты из оленьего меха.

¹⁵ Ненецкая зимняя обувь из оленьей шкуры, мехом внутрь, с голенищами до середины бедра.

А мы зашли в деревянную избу. Сначала я не сообразила, кто есть кто, потому что вокруг нас засуетилось четыре-пять женщин. Мы вошли в комнату, она была небольшой. Одна из женщин, постарше, начала что-то мне объяснять, громко и быстро, я не разобрала ни слова. Тем более что, кроме л, она произносила по-другому (не так, как я ожидала) и начальные χ, звучащие почти как k. Ох-ох-ох, что же будет дальше. Я смотрела на нее как баран на новые ворота, хотя говорила она очень живо.

Остальные постепенно разошлись, мы остались вчетвером: молодая девушка в очках, в современной одежде (учительница), женщина в возрасте, Тая и я. Мы сели за стол, снова была огромная порция уже знакомого супа (видимо, это праздничное блюдо), хлеб, варенье и горячий чай. За столом выяснилось, что женщина в летах – это мама Таи.

Вновь пришли гости. Все присутствующие тут же с большим интересом стали рассматривать книги «Magyarország» и «Magyar népviseletek» («Венгрия» и «Венгерский народный костюм»), подолгу обсуждая каждую фотографию. Они расспрашивали, что у нас есть, чего нет, какие цены и т. д. (по-русски). Разузнавали они и о моей семье: сколько лет родителям, как их зовут, что там с бабушками, где они живут, чем занимаются (больше по-хантыйски). На вопрос о возрасте мамы я неожиданно ответила, что ей сорок шесть, и на следующий день об этом знали все.

Потом и мы пошли в гости к бабушке Таи (по маме), уже очень старенькой (ей за восемьдесят). Она нас обняла, поцеловала, и мы сели разговаривать. Там тоже было, кажется, трое детей. Папа очень интеллигентный и образованный. Они пересказали то, что я говорила до этого. Мужчина говорил со мной в основном по-русски, и его я понимаю. Но вот что касается мамы Таи, иногда я даже не улавливаю, говорит ли она по-русски или по-хантыйски. Они интересовались, какие животные у нас водятся. Кто-то пустил слух, якобы я владею мансийским. Я всячески это отрицала, но меня все же проверили. Спросили, что такое *wit*. Я ответила, что *j̄ŋk* 'вода'. Фразу *mān nāwram* 'маленький ребенок' тоже перевела. Спросили еще несколько слов, которые я не знала (названия домашней утвари).

Потом мы перешли в другой дом, где была куча детей, но там мы не пробыли и пяти минут.

Вернувшись, мы поели бутербродов с вареньем, запивая чаем с молоком. Тая принялась за *noχar-sem* 'кедровые орешки'. Я выложила из сумки несколько вещей. Мама Таи с огромным любопытством рассматривала каждую из них со всех сторон и расспрашивала об их цене. Эти вопросы ставили меня в тупик. Тем временем отключили электричество, и мы зажгли керосинку. Я подарила маме Таи небольшую венгерскую вышивку в стиле матё и белую кофточку: их она расхваливала больше всего. Мы очень сдружились, шутили, что она для такой кофточки еще не старая и ей идет. Она настаивает, что обязательно сошьет мне шапку из заячьего меха. А я повторяю, что лучше бы она дала мне какую-то старую вещь, но ничего такого нет, а если и есть, то это уже совсем рухлядь. Мне у них очень хорошо. Мама Таи курит трубку так же часто, как я сигареты, так что мы с удовольствием курим вместе. У нее есть консервная банка, в которую она время от времени сплевывает. В кисете для табака хранятся табак и спички, а к шнурку привязан ножичек для трубки. Забыла (написать), что на ужин было и вино. Мы никак не могли его открыть, пока Тая не взяла и за секунду не раскупорила его зубами. Вино, как и всегда до этого, было сладкое.

В полпервого мы легли спать: я с Таей в одной кровати, ее мама на полу (с другой девушкой – учительницей?). Керосинка еще долго слабенько горела, мама Таи иногда закуривала. Я уже почти заснула, когда на улице послышался топот: во двор зашли лошади. Мама Т. вскочила и, громко прикрикивая, выгнала их. Надо заметить,

что лошади ходят там непривязанные. После этого мы уснули.

28 января, Тугияны

Первый день в Тугиянах. В 6 утра зажегся свет, завопило радио, но нас это не смутило и мы проспали до 10. Мама к тому времени встала, подоила корову, принесла дров, заварила чай. Мы встали и позавтракали (меню обычное).

Тая с мамой сели вязать варежки. Было это так. Они срезали мысок старых носков и начали вязать, используя белую, голубую и красную пряжу (из собачьей шерсти). Мысок носка натянули на четыре спицы (в форме квадрата), а на пятую спицу руками набирали петли. Тая начала вязать без всяких вопросов: для них это обычный способ, вяжут они с мамой одинаково. Схема: [...] ¹⁶. Вяжут очень быстро. Я писала дневник. Так прошло часа два.

Около полпервого был обед: приготовленная в сковороде картошка с мясом в собственном соку (сока на два-три сантиметра), чай и т. д. Мы как раз закончили обедать, когда пришла та женщина (Вера Гришкина, самая младшая сестра мамы Таи), с которой мы приехали (из Полновата) накануне, и вместе с ней еще одна. Они сели на пол и на табуретку, достали веретёна и начали прясть шерсть. Было приятно за ними наблюдать, жаль, что не получилось сфотографировать.

Через полчаса мы пошли в гости, по случаю чего я надела праздничную юбку. Накануне мы уже здесь были (у Калистрата Гришкина ¹⁷, это дядя Таи по маме), в семье восемь детей. (Дома была только их мама), папу я не видела. Там мы тоже сели за стол, мне налили такую порцию супа, что хватило бы на нескольких человек. Тая даже не смогла все доесть. Еще было сладкое вино, хлеб и варенье. Наелись мы досыта. В доме был младенец, лежал он в колыбели из настоящей бересты. Мать его покормила, и грудью тоже, хотя он уже не был настолько маленьким. Потом она повесила колыбель обратно на два шеста (с крюками), прикрепленных к потолку. Коробка с набором для шитья в этом доме также была берестяная. В коробке лежали сухожилия оленя. Мне рассказали, как их нужно отбивать, чтобы они распались на волокна. Было там и (готовое) волокно, его-то мама и скручивала. Она вытягивала волокно, смачивала его слюной, скручивал и затем брала следующее. Когда нить достигала сорока сантиметров, она завязывала ее на косточку, и если нитей было уже много, сплетала их в три пряди. Кожаные вещи шьют только с такими нитями. Мы играли с ребяташками, уговаривали их показать хантыйский танец. Они же возились друг с другом, Тая тоже села к ним, расчесывала им волосы, играла с ними. Там мы были долго, часа три.

Придя домой, я нарисовала для детей бегущую лошадь (две лошади на двух листах, если пролистнуть, то кажется, что лошадь бежит). Потом мы пили чай, а затем стали приходить многочисленные гости. Одна из женщин (жена Андрияна Себурова?) пожаловалась, что на улице такой мороз, что теленка и овцу пришлось завести в избу. Все село говорило о том, какие непривычные для этих мест стоят холода. Утром снова было -48 °C и ветер. Первое слово, которое произносили все, было *iski* (холодно). По слухам, февраль будет не такой суровый. Приходил и мужчина (которого мы видели вчера) с кем-то помоложе. Они выкурили несколько сигарет, погрелись.

Вечером мы сходили в тот дом, где внутри стояли привязанные бычок и овца. Не хотела бы я быть на месте хозяев той ночью: теленок постоянно ходил туда-сюда. Вдобавок ко всему в избе было несколько белых кур, запертых в клетку, и кот. На фоне новенькой стиральной машины и радио все это смотрелось странно. Две женщины вязали варежки, начали с мыска. С этой частью много мучаются, поэтому зачастую

¹⁶ Вероятно, здесь должен был быть размещен рисунок, но он отсутствует.

¹⁷ Гришкин Калистрат Григорьевич.

берут мысок старых варежек. Видимо, работать садятся всегда по двое, конечно, при условии, что обе женщины вяжут абсолютно одинаково. Две девочки играли в шахматы (или скорее в мельницу) и при этом много говорили, по-русски. Я посмотрела их фотоальбом (с семейными снимками), а потом мы пили чай, ели творог и варенье. В какой-то момент мама ушла домой, а мы с Таей оставались там до 10 и разговаривали. Я выпрашивала названия орнаментов (*aj n̄d̄x̄as* – маленький соболь, *aj x̄or oŋat* – маленькие олени рога, *j̄ȳx̄ n̄ȳw* – ветви дерева), но собирать их смысла не было, потому что в недавнем прошлом сюда приезжали из Москвы и все записали. Это были две женщины (ученые), которые увезли с собой много вещей. Обещали прислать все обратно, но деревенские этого пока не дождались.

Мы вернулись домой. Мама уже спала на полу. Тая еще мыла посуду, а я делала записи (в дневнике). В полночь погас свет, мы легли. Ночью мама проснулась, покурила и снова заснула. День и вправду был морозный, иначе после обеда собаку по кличке *Pit̄īx̄* не пустили бы в избу: ее покормили и дали погреться внутри несколько часов.

29 января, Тугияны

Встали в 9:45. К тому времени мама уже сходила в магазин, принесла хлеба, печенья, забрала в колхозе деньги. Пенсия здесь в колхозе примерно 20 рублей, но могут поднять до 30–35. После завтрака я села писать дневник, Тая принялась за вязание. Одну пару варежек, кроме большого пальца, она закончила. Позже ее (т. е. большие пальцы) довязала мама. Другая пара готова на 3/4. Все занимались своими делами. Пришли ребяташки, трое: Лена, Света и Леша (дети Геннадия Гришкина¹⁸). Сидели здесь молча, играли с бегущей лошадью. Зашла и та женщина, которая привезла нас (из Полновата), она продолжила вязание, но вскоре ушла. Потом в районе часа заглянула одна девушка, принесла Тае белую заячью шапку. Мне тоже пообещали такую же. С девушкой было несколько детей, комната заполнилась. Сидели они тихо, спокойно.

В какой-то момент мама занесла мешок, в котором было штук тридцать–сорок *aj sort* (маленькие шуки, сейчас их сезон) и половину телячьего окорока, все замороженное. Она начала разделывать рыбу: сделала надрез за жабрами и вдоль хребта. Вырезанный таким образом кусок положила чешуей на стол и ножом сняла кожу. То же самое проделала и с другой стороной. В результате осталась голова и желудок. Желудок она отрезала и отложила, а голову, хребет, хвост и кожу дала собаке. Делала она это без остановки. Тая пропускала филе через мясорубку.

В это время по радио передавали пятнадцатиминутную передачу на чистом среднеобском наречии, правда с большими помехами. Но даже при этом радио я понимала лучше, чем здешних носителей. (По радио говорили так), будто зачитывали передовицу «Ленин пант хуват» (хантыйская газета).

Между делом мы съели несколько сырых рыбин, разделали их совсем по-другому. Вспороли брюшко, разрезали спинку вдоль хребта. Отделили от хребта филе, кожу сняли ножом, филе порезали на кусочки. Рыбу ели с солью и хлебом, было вкусно.

Рыбного фарша набралось целый таз. В конце почистили пару картофелин и репчатый лук. Их Тая тоже пропустила через мясорубку и перемешала с фаршем, все посолила. Еще четыре-пять рыбин разделали так: соскоблили ножом чешую, через два-три сантиметра сделали надрезы, удалили хвост. Затем разрезали брюшко, кишки

¹⁸ Гришкин Геннадий Григорьевич.

оставили, все остальное вынули. На дно кастрюли уложили разрезанные вдоль кишки, на них рыбу и все это поставили на огонь. Стало очевидно, что будут гости. Печку хорошенько затопили, и еда в многочисленных кастрюльках забурлила. Мы сидели и разговаривали. Около 6 была готова первая часть ужина: тефтели, которые слепили из рыбного фарша и пожарили в сковороде. Их мы с Таей съели. Остальные тефтели сварили в воде. Кроме того, был мясной бульон (из телячьего окорока).

Часов в 7 стали приходить гости, всего нас было человек четырнадцать (в основном родственники). Началось застолье. Сначала мы пили коньяк Таи, потом мою абрикосовую палинку. Сказали, что крепкая. Еще до застолья мама налила стакан коньяка и поставила его на занавешенную полку в углу комнаты (*mŭtsŭŋ* – священный угол). На один из углов стола она также «ненароком» поставила большую тарелку мясного супа, которая потом долго там стояла. В консервной банке она подожгла кусочек чаги и поставила на полку. Встала перед ней и начала молиться. При этом она часто наклоняла голову и временами крестилась. Пожилой мужчина (*Роман iki*¹⁹) последовал ее примеру, сопровождая молитву пением. (Они молились *χotəŋ tonχ* 'домашнему духу'). Только после этого приступили к трапезе.

Не знаю, сколько разного алкоголя мы пили, но восемь-девять видов точно (каждый что-то принес с собой). После была водка («Московская»), две-три бутылки, и мамина домашняя бражка. Его готовят из хлеба и сахара. Остальные сначала нос воротили, но три-четыре литра все-таки выпили. Закусывали как следует, после каждой чарки тянулись за хлебом и мясом. Только поэтому не опьянели сразу. Один из мужчин ушел за водкой и вернулся где-то минут через тридцать. По дороге он опростал полбутылки и еле стоял на ногах. Мужчины почему-то пьянеют быстрее. Говорили они ужасно много и одновременно, обсудили всю мою семью и что я иностранка, но говорю по-хантыйски, и какое это чудо. Имена всех моих родственников просили повторить несколько раз.

Посреди застолья я услышала, что кто-то поет: один из мужчин пел на хантыйском просто так, уставившись перед собой, даже слезы у него текли. Сначала это меня удивило, но затем я уже привыкла к тому, что то один, то другой из мужчин впадает в подобный «транс». Я не очень разобрала, о чем они поют. Сказали, что о деревне. (Вера, которая привезла нас из Полновата, исполнила длинную песню-импровизацию о нашем приезде. Ее я тоже не совсем поняла. Уловила лишь то, что было холодно и мы чуть не околели). Так акцент сместился на пение, но всем вместе петь не получалось. Каждый напевал что-то по отдельности, для себя. Позже, когда воодушевление достигло своего пика, стали танцевать, показали женский танец, исполняемый с закрытыми лицами. Мужчины в свою очередь организовали небольшой медвежий праздник, по крайней мере, представили танцы этого праздника. Они немного напоминали монгольский орлиный танец, исполняли их с широко раскрытыми руками. Затем уже мне пришлось спеть две народные венгерские песни. Слушали их с интересом. Время было позднее, из всех присутствующих трезвыми остались лишь Тая и несколько женщин (ну и я, относительно).

Около полуночи мы зашли в гости к *Wəntorjany*²⁰ (Себурову)²¹, который живет в соседнем доме. Это самый известный в селе человек. Он представлял хантов на XXIII съезде и голосовал от их имени. К этой теме возвращались не единожды, показывали фотографии с ним, газеты, была даже книга о Дворце съездов. Всё это рассказывали за столом (были квас, мясной суп, рыба, хлеб, печенье). Речь заходила о войне, экономике. Живут они неплохо, жаловаться не на что. Конечно, дом у них, как у всех (в

¹⁹ Старик Роман.

²⁰ Хантыйское произношение русского мужского имени Андриян.

²¹ Себуров Андриян Ильич.

селе), но на стене ковер из Москвы. (Остальные) не раз упоминали, какой это хороший человек: вернувшись из Москвы, он всем привез по бутылке водки, всех угостил. Мужчины уже еле могли говорить, но мы все же продолжали пить. Кто-то достал тетрадку, в которой были записаны популярные русские песни (тексты), стали их петь («Моряки» и т. д.). Позже женщины исполняли хантыйские песни и даже танцевали. Примерно в два мы пошли домой и сразу легли спать.

30 января, Тугияны

Утром все встали часов в 9 и даже раньше. Я никак не могла взять в толк, почему сегодня проснулись так рано, очень уж нас торопили.

Выскочила я из кровати, еще не успела умыться, как в избу зашла уже знакомая компания мужчин в таком же состоянии, но с обновленными запасами (водкой). Снова все сначала: мясной суп, рыба, хлеб, разговоры. Женщины подошли позже по отдельности.

Около 11 пошли в другой дом, там тоже пили. Тая во всем этом уже давно не участвовала. После обеда было спокойно. Приходили только женщины и дети, сидели немного и уходили. Спать легли довольно рано.

(С этого места я писала дневник позже, находясь в Ханты-Мансийске).

31 января Тугияны

До обеда были дома. Где-то в час зашли в гости к семье Калистрата (Гришкина), где нас угостили мясным супом, вином и чаем.

(Я забыла написать, что утром Калистрат вернулся с рыбалки и заглянул к нам. Мы поздоровались уже как старые друзья. Он рассказал про рыбалку, что чуть там не умер. Их было трое: один заболел, второй, что помоложе, обморозил лицо (и вернулся домой). Калистрат рыбачил в одиночку, голыми руками. Когда ехал туда, даже дороги не было, замело снегом. Лошади из-за мороза шли медленно. Слава Богу, что лошадь у него была отдохнувшая, а то бы околела. (Имеется ввиду, что не смогла бы вернуться обратно. Рыбачили на озере в двадцати с чем-то километрах, на щуку). Мама достала выпивку, которую во время застолья оставили специально для Калистрата. Он начал говорить, что пить не будет, потому что очень устал и вообще он быстро пьянеет. Но все же выпил по чуть-чуть из всего, что было, и вскоре ушел домой).

Погода ночью сменилась, потеплело (градусов до -25 °С). Предугадать это можно было уже накануне: до обеда был сильный ветер и очень темно. Бушевала метель, звенели электропровода, поэтому в тот день я не могла фотографировать.

А сейчас светило солнце. Я достала фотоаппарат и после гостей ходила снимала в деревне.

После обеда сидели дома. Тая уже закончила вареники. Заходила к нам подруга учительницы, поболтали с ней. Потом мне показали школу, где дети учатся до 4-го класса. Кабинеты хорошие, красивые, правда в последние дни там холодновато (температура внутри -15 °С, учеба приостановилась). Учатся только на русском. Детей достаточно много, есть классы, где по 25 человек. После школы пошли на «почту» (небольшой деревянная избушка, снаружи и не скажешь, что это какое-то учреждение). Спросили у сидевшего там мужчины, могу ли я вечером принести ему магнитофон (чтобы он его починил). Он ответил, что конечно.

Когда вернулись домой, там уже вовсю шла подготовка: намечался *mīr̄xot* (собрание членов колхоза), собирали людей. «Вот и ремонт магнитофона накрылся», – подумала я. Так и вышло. Учительница еще приходила, но о том, что мы можем пойти

(к тому мужчине с почты), ни слова не сказала.

Мама напекла пирожков с мясом. С утра, помимо прочего, возились и с ними. Хотели пропустить вареную телятину через мясорубку, но не тут-то было. В мясо добавляют лук и соль. Замешивают тесто, как на хлеб, дают подняться, отщипывают небольшие кусочки, раскатывают, начинают мясом и жарят.

Заходили мы и к бабушке, но было уже поздно, поэтому фото сделать не получилось.

1 февраля, Тугияны

(Пред)последний день в Тугиянах. Встали в 9, погода стояла прекрасная. Я заправила в фотоаппарат новую пленку. До обеда обошли всю родню, я всех сфотографировала.

Сначала сходили к бабушке. Здесь был и Калистрат, немного подвыпивший, но очень хороший человек. Он рассказал, что мог бы учиться, но в войну это давалось с большим трудом. Он ходил в школу и по ночам перевозил людей, был провожатым. А на уроках засыпал, поэтому от чего-то нужно было отказаться. Он подался в рыбаки. Зарабатывают они хорошо, летом доходит до 200 рублей в месяц. Зимой поменьше, зависит от улова. Например, в декабре он заработал 15 рублей и дополнительно получил еще 25. Но деньги и не нужны, дома есть все, покупают только хлеб, соль и т. д. Из-за холодного климата получают специальную надбавку к зарплате. Так же он сетовал, что молодежь не идет в рыболовы и охотники. Все хотят работать в колхозе (на внутренних производствах), зарабатывают там нешлюхо. Пенсию тоже обещают поднять уже много лет. У бабушки посидели очень хорошо, самой близкой родней. Был пирог, большой хлеб, какая-то выпечка, чай, водка, вино. Мы выпили, но немного, потому что надо было идти и в другие гости²².

Здесь мне на глаза попала старая прялка. Примерно 70 см в длину (20 см в ширину, заужающаяся), толщиной 4–5 см, вырезана из дерева. Поперек через 15–20 см углубления. На нее садятся и прядут пряжу из собачьей и овечьей шерсти. Основную часть времени бабушка этим и занимается. После бабушки мы заглянули домой только на пару минут и сразу пошли к крестным Таи, которые живут в самом конце деревни (Каксины, с Казыма). Некоторые из родных по женской линии тоже направились с нами, в том числе и отец крестной, человек пожилой. Раньше он был кем-то наподобие жреца, шамана. Все относятся к нему с большим почтением. Дом был самым большим из всех увиденных до этого. Комната огромная, с прекрасным освещением, количество окон с трех сторон: 2–1–1. Обстановка обычная, но вещи получше. (Хозяин – единственный в деревне охотник, хорошо зарабатывает). Стол был накрыт: в двух тарелках нарезанное вареное мясо (медведя), кусочки сала, по краю хлеб, пирог и т. д.

Мы поздоровались и сели пить. Одну чарку сначала, разумеется, поставили в занавешенный священный угол. Меня тоже звали помолиться вместе с ними...

(конец)

²² Следующие два абзаца в рукописи напечатаны с отступом. Предположительно, место оставлено для фотографии, но (по крайней мере, в имеющемся экземпляре) изображение отсутствует.

Примечательные события, которые не были записаны:

— Со второго дня моего нахождения в Тугиянах я уже понимала, когда говорили по-хантыйски, при условии, если не пели. Более сложное предложение на хантыйском я произнесла только в предпоследний день, но постоянно менять среднеобские гласные на казымские мне было очень трудно.

— Так же на второй день они порешили, что я для них абсолютно как своя, но будто из другой деревни. Своя так своя, согласилась я. С тех пор меня начали обучать местному этикету и чуть ли не каждый час объясняли какие-то правила, по которым (девушке), например, нельзя переступать через одежду, садиться, скрестив ноги, и т. д. Чувство близкого родства возникло главным образом из-за того, что я совершенно отличалась от русских. А в этом случае я могла быть только хантыйкой или мансийкой.

— Перед каждой жертвенной трапезой (*pori* 'бескровное жертвоприношение') в священный угол ставили еду, питье и молились. Позже об этом я уже не писала. Молитва представляла собой пяти-шестиминутную песню, которую исполнял Роман ики. Из-за его преклонного возраста и нехватки у него зубов молитву я не понимала. Меня тоже позвали постоять, нужно было кивать головой. Песню не очень-то понимали и молодые.

— В предпоследний день я испробовала баню. Это похоже на сауну, но попроще. Построил ее колхоз. Туда ходят женщины из одной семьи или близкие родственницы, но больше трех человек там вряд ли поместится. Мужчины ходят куда-то в отдельное место, но куда, я не знаю.

В тот день я разругалась с Таей, потому что она никак не могла отстать от мамы. Обращалась с ней, как с несмышленным ребенком, через каждые полчаса устраивала ей уроки политинформации. Читала лекции о том, что рубль – самая лучше валюта в мире и тому подобное, стыдилась традиционной культуры и ревновала (маму). Я осмелилась заметить, что и в традиционной культуре есть смысл, просто она не такая, как современная. И добавила, чтобы она не стыдила мать. Из-за этого по славной хантыйской традиции на обратном пути мы почти не разговаривали. В Полновате она жаловалась на меня подругам, а мне было весело, ведь к тому времени я уже довольно хорошо все понимала.

— Тот жертвенный обряд, на описании которого прервался мой дневник, провели на удачу в дороге. Нас обеих по отдельности вверили милости домашнего божества.

— Перед поездкой решили, что я и вправду своя. Так меня теоретически приняли в род. На практике воплотить это не удалось, но меня заверили, что если бы я прожила с ними хотя бы месяц, никому бы и в голову не пришло, что родилась я где-то далеко. Они научили бы меня языку и всем традициям. Это самая большая удача, которая может произойти с исследователем Сибири в 20-м веке. Я пообещала, что приеду к ним на следующий год.

— Обратная дорога: Тугияны – Полноват (один день) – Березово (два дня). Здесь я рассталась с Таей: она поехала в Ленинград. Четыре дня я провела в Ханты-Мансийске, познакомилась с местной обско-угорской и русской интеллигенцией. Со многими я ранее переписывалась. Обратно в Ленинград ехала через Свердловск.

— Тая лишь в Ленинграде подробно рассказала о том, что случилось с Мариной (мы ехали с ней от Березово до Тугиян). М. была на восьмом месяце и перед рождением ребенка хотела навестить семью в Тугиянах. Из-за тяжелой дороги спустя несколько часов после приезда в Тугияны начались роды. Сразу же из Березово прилетел спасательный вертолет, на котором М. забрали в больницу. Она родила здоровую девочку, но говорить об этом можно было только когда стало понятно, что все хорошо.

*

Некоторая информация о Тугиянах:

Село расположено на левом берегу Оби примерно в 40 км к югу от устья Казыма. На карте К. Папаи село обозначено как мансийское, но название его не указано. Нынешнюю форму село обрело в 40-е годы в результате слияния зимней, весенней и летней деревень (*tăDGort*, *təwGort*, *tūŋGort*). Основным поселением была зимняя деревня. Отсюда в соответствии периодами рыбного промысла переезжали в сезонные «деревни».

Культура села — из-за географического положения — во многом носит переходный характер.

По типу хозяйствования относится к рыбацким поселениям, расположившимся вдоль крупных рек (Оби). Жители причисляют себя к хантам и манси. Однако социальные связи более налажены не с хантыйскими рыбацкими деревнями на юге, а с низовьем двух ближайших притоков (на западе Сосьва, на востоке Казым). В настоящий момент данная территория является переходной между культурой оседлых рыбаков, скотоводов и земледельцев с одной стороны и культурой оленеводов, охотников и рыбаков с другой стороны.

Этнически население региона смешанное. Это единственный участок Приобья (за исключением района Салехарда), где проживает значительное мансийское население. Так как Березово является административным центром, в его окрестностях коренное население смешивалось с пришлыми русскими и зырянами уже в прошлом веке. К западу от села проживают манси, а к востоку ханты.

Тугияны относятся к поселениям, где роды смешаны. Здесь соседствуют два рода: Себуровы (ханты) и Гришкины (манси). По мнению Чернецова, они относятся к фратрии *тоś*, но в народном сознании это практически не отразилось. Вероятно, изначально село было хантыйским, поскольку в архивных материалах, касающихся данного региона, имя Себуровых упоминается довольно рано. В отношении же обских манси известно, что в современный ареал своего расселения они пришли сравнительно поздно. Себуровы называют себя *śaBər-jəχ*. В основе очень древнее слово с затемненным значением *śōpər* (в фольклоре используется при описании серебра). Многие связывали это слово с топонимом Сибирь.

Родовую экзогамию соблюдают до сих пор. Два рода, проживающих в селе, являются первоочередными брачными партнерами. Помимо этого Гришкины, как и Себуровы, вступают в брак с манси с Нижней Сосьвы и хантами с низовьев Казыма.

Касательно ассимиляции наблюдается две тенденции: 1) Наиболее активно мансийский язык использует старшее поколение Гришкиных, внуки говорят уже по-хантыйски. 2) Те, кому нет сорока, хорошо владеют русским. У детей в первые годы школы (то есть с семи лет) также нет надобности в обучении на родных языках. Русских семей в селе немного, но при выборе супруга молодые (особенно девушки) предпочитают русских и уезжают из Тугиян.

Население села на момент моего приезда составляло около 400 человек.

Местную школу закрыли в 1975 году, дети начиная с семи лет учатся в школе-интернате села Полноват.

(Ханты называют манси *wõχalʼ*).

Ханты общаются на говоре, который является переходным между среднеобским (шеркальским) и казымским диалектами. Система согласных среднеобская, то есть вместо *l* употребляется *t*. Система гласных полностью казымская. Примечательная особенность данного говора заключается в том, что новейшие фонетические и морфофонетические тенденции развиты в нем гораздо сильнее, чем в базовых диалектах, и доведены почти до совершенства. По сравнению с близлежащими казымскими деревнями в Тугиянах говорят медленнее и с несколько более открытыми гласными. Данный говор, по моим сведениям, распространен в трех поселениях. Тугияны среди них самое северное.

Манси, предположительно, используют обско-мансийский диалект.

Примечания редакторов: В тексте Евы Шмидт орфографические ошибки, связанные с особенностями машинописи, и очевидные опечатки исправлены без пометок, сокращения расшифрованы. Подстрочные замечания, сделанные Евой Шмидт, включены в основной текст. В сносках даны примечания редакторов. Оригиналы машинописных страниц также размещены на сайте, что позволит желающим удостовериться в точности передачи текста.

Редакторы: Марта Чепреги – Андреа Качкович-Ременьи – Эстер Рутткай-Миклиан

Перевод: Татьяна Ефремова